

УДК 94(470.62):39

ББК 63.3(235.7)5

Б 91

Л.В. Бурыкина

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Адыгейского государственного университета, тел. (8772) 54 87 65

О принципах землевладения и землепользования кубанского казачества в конце XVIII – начале XX вв.

Аннотация: В статье рассматривается эволюция системы землевладения и землепользования кубанского казачества в конце XVIII – начале XX вв. Представлен анализ ценностного восприятия казаками принципов землепользования в Черномории, а затем в Кубанской области. Прослеживается соответствие системы землевладения интересам царизма.

Ключевые слова: Черномория, кубанская область, землевладение, землепользование, войсковые земли, переселение, казачье самоуправление, аграрный вопрос на Северо-Западном Кавказе.

L.V. Burykina

Candidate of History, Assistant Professor of the Department of History of Our Country at Adyghe State University, ph.: (8772) 54 87 65

On principles of landed property and land tenure of the Kuban Cossacks at the end of the 18th – beginning of the 20th centuries

Abstract: The paper discusses the evolution of system of landed property and land tenure of the Kuban Cossacks at the end of the 18th – beginning of the 20th centuries. The analysis is made of value perception by Cossacks of principles of land tenure in the Black Sea region, and then in the Kuban area. Conformity of system of landed property to tsarism interests is traced.

Keywords: Black Sea region, the Kuban area, landed property, land tenure, land of the army, resettlement, the Cossack self-management, an agrarian question in the Northwest Caucasus.

Причины формирования устойчивых казачьих сообществ в России, начиная с XV в., были обусловлены нарастающими внутренними и внешними противоречиями политического и экономического развития страны. С одной стороны – создание централизованного государства, введение поместной системы, на ее основе – усиление крепостного права, нехватка земли из-за переселения с юга основной массы населения в северо-восточную часть страны, отличающуюся суровым климатом. С другой – расширение государственной территории за счет более благоприятных в климатическом отношении и свободных для колонизации земель «дикого поля» на юге и юго-востоке России.

Изначальная система пользования земли, бытовавшая в среде вольного казачества, была архаичной. В ней проявилось возрождение основ социального устройства, характерных для первобытно-общинного строя. Земля находилась в собственности общины. В Запорожской Сечи она ежегодно делилась по жребию. Войсковой Старшина имел право тянуть жребий раньше простых казаков, неженатые – раньше женатых [1]. Этот обычай был связан с восприятием особого сакрального характера казачьих земель:

их верховный собственник – Бог. Он наделял ею казаков по собственному усмотрению, посредством жребия.

Казачье землепользование претерпело значительную эволюцию, но его ценностное восприятие казаками изменилось мало. Справедливыми считались коллективное владение землей, равный доступ к ней всех казаков [2]. Право на землю казачьей общины признавалось неотъемлемым от права на нее каждого отдельного казака. Этот принцип синтезировал в себе утопизм с возможностью разновариантного воплощения владения землей на практике, что предопределило различия в особенностях казачьего землевладения в разные исторические периоды и его противоречивую сущность.

Запорожская казачья община, не имея своей государственности, не могла закрепить свои земли в собственность на законном основании; она занимала их на правах пользования. Земли было много, людей – мало, поэтому правило «свободной заимки» устраивало всех, так как каждый член общины мог пользоваться тем участком, который был свободен, а количество земли в пользовании – по мере надобности [3]. Все усилия запорожцев, направленные на то, чтобы добиться у верховной власти прав владения своими землями, были тщетными. В результате конфронтация с Россией закончилась тем, что в 1775 г. Запорожская Сечь была разрушена царскими войсками и прекратила свое существование.

В 1788 г., в связи с начавшейся в 1787 г. войной с Турцией, запорожские казаки были снова собраны правительством России и образовали Черноморское казачье войско с расселением на землях между Бугом и Днепром. 30 июня 1792 г. последовала Грамота Екатерины II на пожалование войску «в вечное владение» вновь присоединенных к России земель на Кубани, и переселение началось в тот же год.

Высшее право собственности на выделенные земли оставалось за государством; земля со всеми на ней угодьями жаловалась войску, т.е. общине, юридическому лицу, а не отдельным ее составляющим членам, причем жаловалась в вечное владение, а не в собственность. На Кубани с самого начала казачьей ее истории было распространено вольнозахватное землепользование: каждый казак мог пользоваться ею в меру своих потребностей и экономических возможностей.

«Довольствуются чиновники и казаки сего войска вольно и равно, без всякой друг пред другом обиды...» - писали черноморские старшины[4]. Безусловно, максимальную выгоду из свободы пользования сельскохозяйственными угодьями извлекали именно они и богатые казаки. Первые – законодательно, в рамках «Порядка общей пользы» - закрепили за собой преимущественное право на пользование войсковой землей. Произошло то, что и должно было произойти – выделение из казачьей массы «лучших людей», т.е. казачьих чиновников, и их экономическое обособление на войсковых землях.

Обычай свободной земли был хорош для Запорожской Сечи, когда все казаки были равны по правам состояния, военные чины не имели постоянных званий, а лишь избирались свободными голосами куреней и на определенный срок, после которого избранники опять становились в общий ряд с остальными [5]. Здесь же, на Кубани, казачья старшина получает от правительства офицерские чины и, соответственно, материальные привилегии.

В «Порядке общей пользы», принятом уже на втором году пребывания черноморцев на Кубани (январь 1794 г.), вопреки общинным представлениям о равенстве и справедливости, дозволялось особо отличившимся старейшинам и казакам иметь собственные дворы в городах и селениях, а в степи – хутора и мельницы, а при них заводить сады, леса, виноградники, хлебопашество, скотоводство, рыболовные заводы, населять их родственными и вольнонаемными работниками. Предпринимается попытка прикрепления своих родственников и вольнонаемных к земле за долги, разрешается выдавать открытые листы, удостоверяющие право на наследственное владение землей, хуторами, мельницами, водоемами и т.д.

Известный отечественный исследователь Ф.А. Щербина с явным неодобрением характеризует войскового судью А.А. Головатого – как основного автора этого документа. «С этой поры, - отмечает Щербина, - на деятельность войскового судьи А.А. Головатого набегают мрачная тень, заслонившая светлые идеалы казачьего самоуправления и свободы. Головатый с товарищами ... ввел пункты о привилегиях старшин..., сделал первый и крупный шаг в насаждении частной собственности на счет земель, отданных по грамоте «в вечно-спокойное владение всему войску» [6].

Декларируемая свобода эксплуатации любых войсковых земель казаками на практике вела к злоупотреблениям. Многие влиятельные представители войскового сословия реализовывали свой казачий статус как свободу от ограничений. Идея такой свободы была неотъемлемой частью сложной и противоречивой казачьей системы ценностей. Они действительно свободно пользовались войсковой землей – не стесняя себя соблюдением прав других казаков. «Урядник посеял жито, а сотник его сжал» - такую типичную для ранней Черномории ситуацию приводит Ф.А. Щербина [7].

Стремление казачьего чиновничества обособиться на войсковых землях сопровождалось земельными захватами, выделением лучших земель и угодий в исключительное пользование немногих лиц. Наряду с отводами мест под хутора, мельницы и плотины производилась выдача войсковой канцелярией актов на вечно-потомственное владение отводом. Исследователь Ф.А. Щербина отмечал: «Рядом с мельницей возникал хутор или возле хутора устраивалась мельница, но в том и другом случаях хутор обращался в центр, к которому приурочивалась известная площадь земли. Земля необходима была хуторянину и для выпаса скота, и для сенокосения, и для посевов зерна, и все это были столь насущные нужды, что ими как бы прикрывались захваты, нарушавшие интересы других. Но с этим не считались. Брали силою и властью» [8]. Такова была суровая действительность процесса первоначального образования частновладельческих земель в казачьей войсковой общине.

Конечно, процесс этот не мог протекать безболезненно. Ф.А. Щербина подчеркивал, что «казачье население косо глядело на обращение войсковых земель в «вечно-потомственные» и недружелюбно относилось к владельцам их. Каждый отвод под хутор или мельницу ставил в невыгодные условия курень, сокращая земельную площадь общины...» [9].

Несмотря на обилие злоупотреблений, вольнозахватный вид землепользования долго сохранял ценностную для казачества притягательность. Он символизировал не столько формальное равноправие казаков, сколько их единство и свободу – как общую, так и личную, которые были едва ли не главными ценностями казаков. В целом казачья система ценностей предусматривала согласие всех групп казачества по важнейшим вопросам, в том числе и по земельному. Она предполагала удовлетворение потребностей и интересов всех групп. Для этого нужен был третейский судья: он склонял бы казаков к ряду взаимных уступок. В роли третейского судьи выступило российское государство, которое взяло на себя защиту интересов казачьей старшины и рядовых общинников, реализацию частнособственнических и уравнилельных ценностных установок. Начиная с 40-х гг. XIX в., российские власти вводят правила землепользования. Согласно Положению от 1842 г. были установлены нормы, по которым рядовой казак имел право на 30 десятин войсковой земли, обер-офицер – на 200, штаб-офицер – на 400, генерал – на 1500 десятин [10]. То, что было захвачено, теперь узаконивалось. И хотя нормы эти имели временный характер, поскольку право пользования землей было только пожизненным, первый шаг навстречу частному землевладению был сделан.

Положением от 10 мая 1862 г. в казачьем войске впервые выделяются земельные участки в частную собственность семей офицеров и казаков, вызвавшихся «охотой», добровольно, переселиться в Закубанье. Размеры участков были небольшими: для семьи офицера от 25 до 50 десятин, для семьи казака – от 5 до 10 десятин, право собственности ограничивалось тем, что оно не могло перейти к лицам невойскового сословия [11].

Согласно Положению от 28 апреля 1868 г. всем русским подданным во всех без исключения казачьих войсках предоставлялось право приобретать в собственность на войсковых землях усадьбы на общих основаниях, не спрашивая согласия войскового начальства. А 23 апреля 1870 г. высочайше утверждается Положение об обеспечении взамен пенсии землею генералов, штаб-офицеров и обер-офицеров, а также чиновников казачьего войска, по нормам Положения 1842 г. [12]. Безусловно, этими законодательными документами был сделан прорыв в казачьем общинном землевладении, обеспечивший доступ к частной собственности на землю без всякого рода ограничений и стимулировавший развитие рынка земель и другой недвижимости. На Северо-Западный Кавказ устремилось экономически более активное иногороднее население.

Осуществляя контроль над казачьим землевладением и землепользованием, российское правительство стремилось по возможности удовлетворить желания всех, соблюсти собственные интересы и сохранить статус-кво, выделяя и награждая представителей определенных социальных групп. Разумеется, сделать это было нелегко. Ни одна из групп казаков, оказывающих влияние на политику государства, не была удовлетворена решением земельного вопроса. Поэтому принцип гармонии в землевладении, основанный на взаимных уступках, постоянно нарушался [13]. Юртовые земли делились на паи, предоставлявшиеся в пользование казакам. Паи периодически меняли пользователей во время переделов. Земли войскового запаса переходили в собственность станиц. Этот процесс во многом завершился к 1907 г.

Стремление государства и управляемых им казаков решать проблемы, связанные с землепользованием «по всеобщему удовольствию», можно проследить на конкретных примерах. Значительные территории войсковых земель (около 1051 дес.), на которые претендовали в 1890 г. станицы Бриньковская, Новомышастовская и Стародеревянковская, ныне относящиеся к Каневскому району Краснодарского края, были разделены между ними. Больше всего – 529 дес. – получила станица Бриньковская как самая из них малоземельная. В 1908 г. поземельный спор станиц Новоджерелиевской и выделившейся из нее Новониколаевской был решен за счет станицы Новонижестеблиевской, часть жителей которой переселилась в Новониколаевскую. Ранее, в 1904 г., произошел конфликт жителей станицы Старонижестеблиевской с той ее частью, которая выселилась на хутор Добровольный. Станичный сход хотел оставить хуторянам только половину от установленных законом паев в 21,5 дес. В свою очередь, жители хутора требовали дополнительно наделить их землей с учетом роста его населения. Войсковое начальство признало законным сокращение паев в два раза – в связи с малоземельем. Оно приняло решение оставить хуторянам ранее отмежеванные им земли – с целью обеспечения паями подрастающих казачат [14].

Решение российского правительства возместить станицам Васюринской, Кисляковской и Тернавской территории, изъятые на постройку Владикавказской железной дороги, было принято в 1901 г. Станицам передавались в основном земли войскового запаса. Однако 158 дес. земли, – как «преждевременно отмежеванные», были изъяты у станицы Казанской [15].

Меры по упорядочению казачьего землевладения и землепользования соответствовали ценностным представлениям, бытовавшим в казачьей среде. Во время Рады 1906 г., посвященной земельному вопросу, казаки из разных частей Кубанской области пошли на взаимные уступки. Жители малоземельных закубанских станиц получили угодья на Линии и в Черномории, черноморцы и линейцы – в Закубанье [16].

Офицеры, чиновники, добровольные переселенцы в Закубанье находили поддержку у российского государства в первую очередь, так как без поощрения служебных заслуг было невозможно обеспечить лояльность и эффективную службу казаков. При наделении землей заслуженных казаков и офицеров учитывались либо собственные их достижения по службе, либо близкое родство с заслужившими поощрение. В 1901 г. некоторым членам семей охотников-переселенцев станицы

Варениковской было отказано в выделении земельных участков, так как они находились в не самом близком родстве с переселенцами. В то же время права ближайших родственников власти старались отстоять, поскольку забота о близких – одна из важнейших побудительных мотивов служебной активности. Так, младшему сыну есаула Чернявского Василию удалось получить участок в 90 дес. удобной земли [17].

Нередко для обеспечения землю родственников офицеров правительство России могло нарушить интересы общины. Например, в 1891 г. вдовам П.Г. Мерновой и М.А. Мельниковой были выделены полные офицерские участки, половину которых составили земли войскового запаса, половину – земли юртов станиц Журавской и Бикешевской [18]. Также считалось правомерным защищать офицерские владения от попыток вернуть их в юрт станицы. В 1900 г. в такой просьбе было отказано жителям станицы Исправной. Злоупотребления позволяла себе и община. Точнее, те, чью волю выражало большинство станичного схода в земельном вопросе, опиравшееся на представления о том, что община – «коллективный самодержец», который вправе поступать со своими членами и своим имуществом так, как ему заблагорассудится. В 1894 г. после размежевания нередко происходили споры между жителями станицы Ильской и охотниками-переселенцами этой станицы. В результате собственникам было запрещено пользоваться многими общинными угодьями, как это они делали раньше. Станичники, традиционно считавшие лес нераздельной общинной собственностью, продолжали пользоваться им даже тогда, когда он рос на офицерских землях [19].

В 1905 г. атаман Кубанского казачьего войска с возмущением писал Кавказскому наместнику И.И. Воронцову-Дашкову о весьма распространенном в Кубанской области уничтожении садов и хуторов [20], поскольку в казачьей среде бытовало мнение, что все земли членов казачьей общины – даже частнособственнические – часть станичного юрта. Это архаичное понятие базировалось на представлении о нераздельности собственности и власти. В итоге его реализация часто приводила общину к конфликтам с казаками-землевладельцами.

Принцип уравнительности в землепользовании требовал ежегодного перераспределения земельных паев по жребью и создавал тем самым неустойчивость в землевладении. Казак никогда не надеялся получить свой пай вторично и последовательно на одном и том же месте, поэтому был мало заинтересован в хозяйственном улучшении земли за счет применения удобрений, чередования культур и т.д. «Для чего мне удобрять свой пай, - говорили казаки, - если потом достанется другому, а мне достанется никуда не годный. Если бы все сдабривали свой пай, но все этого не станут делать» [21]. «Ждали землицы, а получили петлицы», - горько шутили казаки: в 1908 г. их наградили «за верную и ревностную службу» серебряными галунами на мундиры.

Общинный принцип получения земли прикреплял все мужское население к земле, препятствовал миграции рабочей силы и вел общину к обезземеливанию казачества. Назначенная Положением 1842 г. для казака 30-десятичная норма душевого надела, дифференцированная потом Положением 1869 г. по категориям земель (от 16 до 30 дес.), не выполнялась. В 1917 г. по Кубанской области в среднем на один пай приходилось лишь 7,7 дес. земли, на одно хозяйство – 14,6 дес. [22].

В рыночный оборот были включены не только «офицерские» земли, полученные взамен пенсии, но также земли, всемиловитейше пожалованные за службу на Кавказе лицам неказачьего сословия. Всего в 1912 г. в Кубанской области в частной собственности числилось 946 212 дес., или 11% земель области; из них «офицерские – 425 455 дес., или 5%. Всемиловитейше пожалованные составили 520 757 дес., или 6% [23].

Российский исследователь Л. Тмутараканский указывал, что в Кубанской области поземельное владение встречается в самых разнообразных видах: 1) частновладельческие земли, принадлежавшие отдельным лицам; 2) частновладельческие земли, принадлежавшие целым обществам; 3) казенные и войсковые земли, используемые путем аренды; 4) общинные земли крестьянских обществ, много отличавшиеся от подобных

владений внутренней России; 5) общинные земли с их паевыми наделами, а иногда и без них, разнообразные виды паявого распределения общего юртового довольствия [24].

Таким образом, с 90-х гг. XVIII в. на Северо-Западном Кавказе создавалась система землевладения и землепользования, отвечающая интересам царизма. Вопросы землевладения и землепользования в Кубанском казачьем войске были сложными и запутанными. Оскудение фонда свободных земель способствовало тому, что политика удовлетворения самых разнообразных, а зачастую взаимно противоположных стремлений, связанных с аграрной проблемой на Северо-Западном Кавказе, заходила в тупик. По существу к началу XX в. у российских властей уже не осталось возможностей для маневра в аграрном вопросе.

Развитие казачьего станичного землепользования происходило под воздействием двух прогрессировавших объективных тенденций: первая – кратковременность владения земельным паем; вторая – «земельное утеснение», «обезземеливание казачества», сокращение с каждым земельным переделом размеров земельного пая. Обе тенденции были обусловлены двумя основными принципами устройства общины – обязательность наделения землей каждого казака и уравнительность при распределении земли, которые вели общину в тупик.

Примечания:

1. Яворницкий Д.И. История Запорожского казачества. Т. 1. Киев, 1990. 352 с.
2. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков. Екатеринодар, 1891. С. 30.
3. Мышецкий С.И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. 289 с.
4. Шевченко Г.Н. К вопросу о социальной сущности процесса расслоения Черноморского казачества в конце XVIII – начале XIX вв. // Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь, 1989. С. 54-59.
5. Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев, 1957. 462 с.
6. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 1. Екатеринодар, 1910. 683 с.
7. Он же. Земельная община кубанских казаков. Екатеринодар, 1891. 47 с.
8. Он же. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. 847 с.
9. Там же. С. 626.
10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. СПб., 1874. Т. 45. Ст. 48275.
11. Положение о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из России. Екатеринодар, 1899. 20 с.
12. Щербина В.А. Земли частного владения лиц войскового сословия в Ейском отделе Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. Т. 3. Екатеринодар, 1894. С. 189-196.
13. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 318. Оп. 2. Д. 2751. Л. 18.
14. ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1610. Л. 2.
15. Там же. Д. 2621. Лл. 3, 10.
16. Там же. Д. 3610. Л. 11.
17. Там же. Д. 1646. Л. 4.
18. Там же. Д. 1647. Л. 17.
19. Там же. Д. 1412. Л. 7.
20. Там же. Д. 1623. Л. 1. об.
21. Иваненко Н.С. Землевладельцы Кубанской области и разделы земель // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1902. Вып. 3. С. 117-133.
22. Население и хозяйство Кубанско-Черноморской области: стат. сб. за 1922-1923 гг. Краснодар, 1924. С. 329.
23. Щербина Ф.А. Экономическое развитие Северо-Западного Кавказа. Кубань и Черноморское побережье // Справочная книжка на 1914 год. Екатеринодар, 1914. С. 324-329.
24. Тмутараканский Л. Об экономическо-социальном значении поземельного владения Кубанских казаков // Кубанский сборник. Т. 16. Екатеринодар, 1911. С. 189-263.

References:

1. Yavornitsky D.I. History of the Zaporozhye Cossacks. Kiev, 1990. V.1. 352 p.
2. Shcherbina F.A. Aground community of the Kuban Cossacks. Ekaterinodar, 1891. P.30.
3. Myshetsky S.I. History about the Zaporozhye Cossacks. Odessa, 1852. 289 p.

4. Shevchenko G.N. On social essence of process of stratification of the Black Sea Cossacks at the end of the 18 – beginning of the 19th centuries // Problems of a public life and a life of the people of the North Caucasus during the pre-revolutionary period. Stavropol, 1989. P.54-59.
5. Golobutsky V.A. The Zaporozhye Cossacks. Kiev, 1957. 462 p.
6. Shcherbina V.A. History of the Kuban Cossack army. Ekaterinodar, 1910. V.1. 683 p.
7. Shcherbina V.A. A ground community of the Kuban Cossacks. Ekaterinodar, 1891. 47 p.
8. Shcherbina V.A. History of the Kuban Cossack army. Ekaterinodar, 1910. V. 2. 847 p.
9. The same. P.626.
10. Full collection of laws of the Russian Empire (FCLRE): Coll. 2. SPb., 1874. V.45. Item 48275.
11. Proposition about settling of foothills of the Western part of the Caucasian ridge by the Kuban Cossacks and other immigrants from Russia. Ekaterinodar, 1899. 20 p.
12. Shcherbina V.A. The land of private possession of persons of army estate in Yeysk department of the Kuban Cossack army // Kuban Collection of Works. - Ekaterinodar, 1894. V.3. P.189-196.
13. The State Archive of Krasnodar Region (SAKR). F.318. Op.2. D.2751. L.18.
14. SAKR. F.318. Op.2. D.1610. L.2.
15. The same. D.2621. L.3,10.
16. The same. D.3610. L.11.
17. The same. D.1646. L.4.
18. The same. D.1647. L.17.
19. The same. D.1412. L.7.
20. The same. D.1623. L.1.ob.
21. Ivanenko N.S. Land owners of the Kuban area and sections of the earths // News of a society of fans of studying the Kuban area. Ekaterinodar, 1902. Issue 3. P.117-133.
22. The population and an economy of the Kuban-Black Sea area: Statistical collection for 1922-1923. Krasnodar, 1924. - P.329.
23. Shcherbina F.A. Economic development of Northwest Caucasus. Kuban and the Black Sea coast // Reference book for 1914. Ekaterinodar, 1914. P.324-329.
24. Tmutarakansky L. On economic-social value of land possession of the Kuban Cossacks // Kuban collection of works. Ekaterinodar, 1911. V.16. P.189-263.